

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ВЫПУСК 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

**У ИСТОКОВ ТОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.
А.И. ДАНИЛОВ И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
XX ВЕКА¹**

Б.Г. Могильницкий

Проблема преемственности в трансформации исторического знания и, более широко, в общем развитии культуры, пожалуй, никогда не стояла так остро, как в катастрофическом XX в. с его политическими потрясениями и социокультурными разломами. Совершавшиеся в этой ситуации трансформации исторической мысли носили воистину революционный характер, отвергающий традиционные (позитивистские) основания нашей дисциплины. Начало положила связанная с деятельностью школы «Анналов», по удачному выражению П. Берка, «французская историческая революция»². Затем последовал еще более грандиозный переворот, о котором писал американский историк Т. С. Хеймроу, усматривая его причины в неадекватности традиционной методологии истории для понимания современного мира, вследствие чего последовал «внезапный рывок многих историков к социальным наукам», заставивший историю «вылезти из ее собственной шкуры». Итогом, заключил он, «была революция в исторической науке, более масштабная, чем ко-

¹ Расширенный вариант этого текста под названием «Творческий путь А. И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века» опубликован в альманахе интеллектуальной истории «Диалог со временем». М., 2006. Вып. 17. Общую характеристику научной, педагогической и общественно-политической деятельности А.И. Данилова см.: *Могильницкий Б.Г.* Научно-педагогическая деятельность А.И. Данилова // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982. Вып. 15; *Гутова Е.В., Могильницкий Б.Г., Мильская Л.Г., Смоленский Н.И.* Творческий путь академика АПН А.И. Данилова (1916–1980) // Средние века. 1983. Вып. 45; *Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И., Мильская Л.Г.* Александр Иванович Данилов (1916–1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века. М., 2004.

² См.: *Burke P.* The French Historical Revolution. The Annales School, 1929–1989. Stanford, California. 1990.

гда-либо со времени ее возникновения более 2000 лет назад»³. Резкие методологические повороты происходили и продолжают происходить в рамках самой историографической революции. Неудивительно поэтому широкое распространение в историческом обществе убеждения в невозможности существования в современных условиях общепринятой парадигмы истории. Ее место, четко артикулирует это убеждение авторитетный историк исторической науки Дж. Иггерс, заняло «множество исследовательских стратегий»⁴.

Современная историографическая ситуация актуализирует проблему разрывов и преемственности в трансформации исторической мысли. Ибо в условиях непрерывных разрывов, порождающих множество конкурирующих друг с другом исследовательских стратегий, проблематизируется сама возможность существования исторической науки как некоторой содержательной целостности, веками накапливающей свой фактографический багаж и совершенствующей способы и методы его обработки с целью формирования Образа истории. Собственно, поступательное развертывание этого Образа и воплощало то единство исторического познания, какое сейчас все более ставится под сомнение, побуждая тем самым к обсуждению проблемы преемственности в развитии исторических знаний.

Оно было инициировано публикацией в конце 1980-х гг. в обновленных «Анналах» двух редакционных статей, возвестивших о выходе на арену их четвертого поколения. Одно из центральных мест в этих статьях, которые могут быть обозначены как программный манифест четвертого поколения, занимала проблема разрывов и преемственности в трансформации «Анналов». «Карты сейчас сдаются заново, – писали его авторы, – и нам необходимо выяснить их еще неопределенный расклад, чтобы заниматься ремеслом историка завтра»⁵. Сама процедура «пересдачи карт» закономерно акцентирует значение историографических новаций. Но, предостерегали авторы второй редакционной статьи, новые идеи в науке никогда не рождаются на пустом месте, новаторство не наследуется. «Вопросы, встающие перед исторической наукой, – настаивали они, – вытекают одновременно и из совокупности прежних практик нашей дисциплины, и из нынешнего расположения звезд на

³ *Hamerow T.S. Reflections on History and Historians. Madison, 1987. P. 14.*

⁴ *Iggers Y.Y. Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Ein Kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Jottingen, 1993. S. 7.*

⁵ История и социальные науки: поворотный момент? (1988) // *Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002. С. 14.*

научном небосклоне, и из современных условий производства социального знания»⁶.

Так постулировалось органическое сплетение преемственности и разрывов в неразрывную ткань историографического процесса. Указывая на приближавшийся 60-летний юбилей «Анналов», авторы программного манифеста усматривали в нем лучший повод определить соотношение между преемственностью первоначального проекта журнала и вносимыми в него, исходя из текущего момента, новациями, а «заодно и отвергнуть выбор, перед которым нас ставят некоторые: выбор между окостенелостью и раздробленностью истории»⁷. Итак, преемственность без новаций ведет к закостенелости истории, а ее забвение порождает ее раздробленность, утрату дисциплинарной целостности.

Согласимся с новейшим исследователем «Анналов» мексиканским историком К.А. Аггере Рохасом, который видит их важнейший урок в гармонизации этих двух начал. Отмечая обращение четвертого поколения к систематическому обсуждению таких понятий, как «время большой длительности» и «глобальная история», а также к вопросу о возможности эффективного использования количественной истории или интерпретативного метода в историческом исследовании и т. п., он указывает, что современные «Анналы» успешно решают двойную задачу, а именно, они эффективно сочетают черты преемственности в своей истории с построением действительно нового и оригинального интеллектуального проекта. Тем самым, заключает мексиканский историк, «Анналы» после 1989 г. ставят перед нами, наряду с решением собственной проблемы относительно будущей судьбы их направления, вопрос, намного более общий – относительно реальных сложностей и перспектив развития всего универсума мировой исторической науки»⁸.

В свете этих умозаключений отдадим должное «Анналам», играющим в этом, как и во многих других случаях, роль экспериментального полигона для всего исторического сообщества. «Уроки французского» привлекают все более пристальное внимание, демонстрируя перспективность изучения под указанным углом зрения трансформации других национальных историографий в XX в. С учетом, естественно, их специфики.

В отечественной историографии эта специфика проистекает в первую очередь из того обстоятельства, что на протяжении большей части столетия она являлась советско-марксистской, базировавшейся на определенной системе идеологем и обусловленных ими исследовательских

⁶ Попробуем поставить опыт (1989) // *Анналы на рубеже веков*. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ *Аггере Рохас К.А.* Критический подход к истории французских «Анналов». М., 2006. С. 19–50.

принципов и предпочтений. Не вдаваясь в ее характеристику, подчеркнем лишь, что в ней фокусируется проблема преемственности в развитии отечественной исторической науки в XX в. В самом общем виде она может быть обозначена как «марксизм и отечественная историко-теоретическая мысль XX в.», ибо адаптированное к партийно-советской действительности материалистическое понимание истории, безусловно, определяло мировоззренческие, общетеоретические и методологические принципы советской историографии. Иначе говоря, в прошлом столетии в стране существовали, сменяя друг друга, как бы две национальные историографии, что явно осложняет решение означенной в заголовке статьи проблемы.

Тем более что в литературе, в особенности исторической публицистике 1990-х гг., советский период с присущей ему системой ценностей нередко представлялся грандиозным выбросом инфернальных сил и фактически исключался из «нормального хода» российской истории. Столь же категорически извергался из российской автохтонной духовной традиции марксизм, легитимизировавший и освящавший этот период. «Прощание с Марксом» (М. Вильчек) стало знаменем радикального отрицания преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли. При этом наряду с «нерусскостью» марксизма крикливо возвещалась его научная несостоятельность. Не утруждая себя поисками аргументов, в одночасье прозревшие критики Маркса безапелляционно заявляли, что, утратив всякое позитивное значение для современной историко-теоретической мысли, «марксизм закрыл себе путь в современность»⁹. Более того, «марксизм по существу вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды», а сам кризис отечественной историографии «в главном и основном» объявлялся порождением кризиса марксизма¹⁰.

Эти оценки даже в 1990-е гг. едва ли могли претендовать на статус доминирующих: слишком очевидной была их идеологическая заданность. Другое дело, что они с редкой рельефностью обнажили интересующий нас ракурс проблемы преемственности, что и привлекло к ним наше внимание. Ибо отношение к учению Маркса аккумулировало ведущие тенденции развития отечественной историко-теоретической мысли, характеризующие ее национальный стиль. Их непредвзятое изучение предполагает крупномасштабные и разноуровневые исследования истории отечественной исторической науки в XX в., выполненные в долгосрочной исторической перспективе.

⁹ *Алаев Л.В.* Где тонко – там и порвалось // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 90.

¹⁰ *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 8, 7.

Ниже предлагается возможный путь рассмотрения этой проблемы сквозь призму деятельности одной из историографических школ, с достаточной репрезентативностью отразившей все драматические повороты в трансформации отечественной историко-теоретической мысли прошлого столетия. Речь пойдет о созданной выдающимся советским историком и организатором науки Александром Ивановичем Даниловым (1916–1980) томской историографической школе, перипетии возникновения и трансформации которой, но прежде всего сложный, многогранный образ ее лидера, по значимости далеко выходят за рамки индивидуально-частной жизни некоей группы исследователей, запечатлев некоторые общие закономерности своего времени.

Приступая к их освещению, сразу же обозначим его исходный принцип. Изучаемая историческая и историографическая действительность является настолько сложной, противоречивой, многокрасочной, что любая попытка ее осмысления в категориях бинарного мышления изначально обречена на неудачу, подменяя его оценочными суждениями выраженного бинарного типа. Будем помнить предостережение М. Блока о том, что привычка судить отбивает в конечном счете привычку объяснять, а место стремления к научной истине занимает субъективизм, когда «отблеск страстей прошлого смешивается с пристрастиями настоящего», превращая реальную жизнь в черно-белый негатив. Сам же историк, замечает французский автор, выступая в роли некоего судьи подземного царства, обязанного восхвалять или клеймить позором почивших героев и легко изменяющего свой приговор, будучи подверженным всем колебаниям коллективного сознания и личных пристрастий, неминуемо дискредитирует свою науку¹¹.

Памятуя это предостережение, попытаемся с максимально возможной точностью реконструировать обстоятельства, вызвавшие к жизни томскую историографическую школу и определившие ее сущностные черты. Начнем с ее создателя, в чьей научной и научно-педагогической деятельности причудливо переплелись две разнокачественные традиции. Первая из них была порождена советским общественно-политическим строем и его идеологией. Яркий представитель выросшей при Советской власти интеллигенции, А.И. Данилов с юных лет воспринял ее ценности, защищал их на фронтах Великой Отечественной войны, был награжден боевыми орденами и медалями, являлся деятельным участником послевоенного возрождения страны. Война сформировала активную гражданскую позицию Данилова, сопряженную с чувством высокой социальной ответственности, характеризовавшую весь его

¹¹ См.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 80.

дальнейший жизненный путь, значительная и, по признанию самого Александра Ивановича, лучшая часть которого прошла в Томском университете (1947–1954, 1961–1967).

Это была доминировавшая традиция, определявшая облик Данилова-ученого и педагога и в известном смысле деформировавшая его, в особенности в бытность министром просвещения РСФСР (1967–1980). Видный государственный и общественный деятель, депутат Верховных Советов СССР и РСФСР, делегат нескольких партийных съездов, он, по определению, не мог выйти за рамки своего очень непростого времени, что отразилось в ряде случаев и на его позиции в науке. К этому я еще вернусь. Сейчас же подчеркну, что, несмотря на деформирующее влияние времени, А.И. Данилов являлся большим ученым, обогатившим отечественную науку.

В значительной степени это было связано с действием другой традиции, уходившей своими корнями в отечественную академическую культуру. Она переплеталась с первой, вступая с нею в сложные, подчас внутренне противоречивые отношения, сыграв значительную роль в формировании томской историографической школы. Присмотримся поэтому к ней внимательнее.

Близкий ученик выдающегося советского медиевиста, профессора МГУ А.И. Неусыхина, А.И. Данилов, закончив под его руководством аспирантуру и успешно защитив кандидатскую диссертацию (1947), не просто овладел некоторой суммой специальных знаний о раннем западноевропейском Средневековье и умением их применять в практике собственного научного исследования. Благодаря своему учителю он приобщился к мощной традиции, характеризовавшей национальный стиль отечественной историографии и в этом качестве оказавшейся более стойкой, чем социокультурные реалии советской эпохи. Носителем этой традиции был Московский университет. В его стенах сложилась определенная преемственность в понимании природы исторической науки и, соответственно, задач ее университетского преподавания.

В череду поколений профессоров Московского университета, создавших такую преемственность, органически вписывается имя А.И. Неусыхина, ближайшего ученика Д.М. Петрушевского, являвшегося одним из ярких представителей возникшего в последней четверти XIX в. влиятельного социально-экономического направления в изучении всеобщей истории.

Итак, Петрушевский – Неусыхин – Данилов. Каждый из них был яркой индивидуальностью, каждый формировался в определенных исторических и социокультурных условиях, и вместе с тем в их творчестве за сполохом разрывов в развитии отечественной историографии XX в.

проступают черты преемственности в трансформации ее историко-теоретической мысли.

Начнем с выраженного вкуса к широким историко-теоретическим построениям в режиме долгого времени с целью выявления определенных закономерностей социально-исторического развития. Уже в получивших европейскую известность трудах представителей социально-экономического направления был создан образ социальной истории Средних веков и Нового времени, раскрывавший на обширном и многообразном источниковом материале ее ведущие тенденции и закономерности. Конечно, на протяжении столетия существенно изменялось их понимание. Но сама интенция, сам их поиск в долговременной социально-исторической перспективе оставались величиной постоянной, выражавшей методологическое кредо московской профессуры.

Говоря о преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли, не будем упускать из внимания пространство, в котором оно протекало. Это – по преимуществу университетское пространство. Его структурообразующим элементом являлась профессорская лекция. Для русских профессоров, в отличие от западноевропейских, она была не только средством трансляции знания студентам, но и способом самовыражения, представлявшим их мировоззренческие позиции по широкому кругу вопросов, далеко выходящих за пределы учебной программы (Н.И. Кареев). Это были концептуальные курсы, выполнявшие, наряду с обучающей, важную мировоззренческую функцию, воспитывая не узких специалистов, а именно «всеобщих» историков, стремившихся осмыслить общие закономерности как развития своей науки, так и самого исторического процесса.

Такое отношение к лекциям, обращаясь к истокам томской историографической школы, было присуще А.И. Неусыхину, сумевшему в изменившихся исторических условиях сохранить российскую традицию университетского преподавания. Сошлюсь на свидетельство А.И. Данилова. Характеризуя педагогическое мастерство своего учителя, он писал: «Будучи предельно насыщенными по своему научному содержанию, убедительными и яркими, лекции А.И. Неусыхина, руководимые им занятия по своему значению для студентов далеко выходили за пределы изучения только средневековой истории. Они играли большую роль в формировании исторического мышления будущих преподавателей средней и высшей школы...»¹².

Таковыми же были лекции и самого Александра Ивановича. Для целых поколений его студентов они являлись эталоном лекционного мас-

¹² Данилов А.И. Неусыхин – историк-медиевист, ученый и педагог // Средние века. М., 1969. Вып. 32. С. 11–12.

терства не просто потому, что в блестящей форме сообщали некоторую сумму исторических или историографических знаний, но прежде всего вследствие того, что они раскрывали его яркую индивидуальность, расширяли культурно-исторический кругозор слушателей, учили их думать, а в конечном счете, формировали их историческое мировидение.

Культивирование университетской не исчерпывает содержание отечественной академической культуры, обладание которой современный американский историк Дж. Энтин считает великим преимуществом России перед другими странами. Перечисляя ее элементы (дух семинара Ранке со свойственными ему высокими стандартами эрудиции, строгость критического анализа источников и специальной литературы и т.п.), он с немалым удивлением констатирует, что «эти нормы, лежавшие глубже доктрины классовых борьбы, как это ни странно, выжили и в годы Советской власти»¹³.

Но так ли это странно? Таким ли уж неодолимым было противоречие между отечественной академической культурой и «доктриной классовой борьбы»? В действительности приверженность марксизму не только не исключала, но и прямо предполагала необходимость овладения высокой исследовательской техникой, коль скоро это учение претендовало на научное познание прошлого и поэтому нуждалось в соответствующем уровне профессиональной подготовки историков. Другое дело, что целые отрасли советской историографии, подобно истории КПСС или новейшей истории, были предельно политизированы и идеологизированы. Но чем далее уходила исследовательская проблематика от современности, тем более она была свободна от конъюнктурной заданности, тем непредубежденнее становился научный поиск и тем настоятельнее делалось обращение историков-марксистов к отечественной академической традиции, столь богатой, в частности, в изучении и преподавании истории Средних веков.

Продолжателем этой традиции и стал с первых же шагов своей научно-педагогической деятельности А.И. Данилов. Получив блестящую аспирантскую подготовку в МИФЛИ – МГУ, приобретя там навыки критического анализа раннесредневековых текстов и специальной литературы, он сразу же по приезде в Томский университет попытался из числа специализировавшихся по Средним векам студентов организовать некое подобие, модифицированного конечно, «семинара Ранке». Эту попытку едва ли можно считать удачной: слишком слабой была лингвистическая и общенсторическая подготовка тогдашних томских студентов. Но у участников того семинара навсегда осталась в памяти та несколько наивная

¹³ Энтин Дж. Взгляд со стороны: о состоянии и перспективах российской историографии // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 191.

настойчивость, с какой молодой питомец МГУ стремился внедрить на томской почве десятилетиями складывавшийся в столичном университете опыт семинарских занятий со средневековыми текстами.

Гораздо успешнее оказалась вторая попытка подготовки молодых специалистов, осуществленная А.И. Даниловым в 1960 г., когда он создал неформальный семинар, объединявший студентов старших курсов, аспирантов и кандидатов наук, специализировавшихся по историографии всеобщей истории. Говоря современным языком, это был блестяще организованный мастер-класс историографического исследования. Сегодня в это трудно поверить, но при огромной занятости – ректора университета и общественного деятеля – он находил время для индивидуальной работы с каждым из своих учеников, сочетая ее с коллективным обсуждением общих историографических и методологических проблем исторической науки. Это был творчески переосмысленный Александром Ивановичем применительно к задачам историографического исследования научно-педагогический опыт его учителя.

Над даниловским семинаром витал, позволю так выразиться, дух семинара Ранке. Я имею в виду целенаправленное следование строгим канонам историографического и методологического исследования с особым акцентом на общенаучную подготовку его участников. Какими бы конкретными темами они ни занимались, А.И. Данилов ставил своей целью воспитание у них широкой исторической и историографической эрудиции как необходимой предпосылки решения конкретной исследовательской задачи. В этой связи уместно заметить, что Александр Иванович никогда не давал своим ученикам «проходных тем», чьим единственным, хотя и сомнительным достоинством являлась пресловутая диссертабельность. Выполненные под его руководством кандидатские и докторские диссертации были посвящены научно значимым проблемам отечественной и западной историографии XIX – первой половины XX в. Их объектом являлись отдельные историки, исторические школы и направления, фокусировавшие в своем творчестве ведущие тенденции в развитии исторической мысли своего времени. Фрагменты этих диссертаций, публиковавшиеся на страницах основанного А.И. Даниловым в 1963 г. продолжающегося сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки», быстро привлекли внимание специалистов, заговоривших о томской историографической школе.

Это понятие едва ли не впервые сформулировал и обосновал в своей аналитической статье «Труды томских историков в области методологии истории и историографии» видный польский методолог А.Ф. Грабский. Автор не скрывал своего удивления самим фактом появления такого сборника, ставшего для него, по его собственному признанию, на-

стоящим сюрпризом. «То обстоятельство, – продолжал он, – что в томской научной среде могло появиться такое амбициозное периодическое издание, самым лестным образом свидетельствует о господствующей там интеллектуальной атмосфере. Не будет преувеличением сказать, что многие университеты со значительно более старыми традициями не смогли бы отважиться на подобное издание»¹⁴.

После обстоятельного анализа опубликованных в 3-м и 4-м выпусках сборника статей А.Ф. Грабский сформулировал примечательные выводы концептуального характера, указав на наличие в его материалах некоторых общих черт. «Так, например, – писал он, – авторы стремятся понять предмет историографии как прежде всего историю исторической мысли в ее разных, главным образом, общественно-политических и философско-идеологических условиях развития, продолжая тем самым лучшие традиции русских и советских историографических исследований. Даже когда предметом исследования является какой-нибудь частный сюжет, авторы рассматривают его, прежде всего, под углом зрения не только исследовательской техники данного ученого, но и общих условий, в которых она применялась, его политических и философских взглядов и т.д.» Вслед за тем Грабский указывал еще на одну особенность методологии томских историков, которые, по его словам, в совокупности взглядов различных направлений и отдельных ученых «интересуются прежде всего общими теоретическими и методологическими концепциями и общими синтетическими взглядами на те или иные исторические явления». Далее он подчеркивал широту исследовательской проблематики томских историков, их доскональное знание историографического материала и заключал: «Создается впечатление, что мы имеем дело с серьезной томской школой историков историографии, группирующейся вокруг известного исследователя и педагога, развивающейся в атмосфере добросовестной работы и творческой дискуссии в стремлении к возможно наилучшему изучению самых трудных проблем современной историографии»¹⁵.

Отдадим должное польскому автору, сумевшему достаточно рано не только разглядеть существенные черты томской историографической школы, но и включить ее в общий контекст развития отечественной исторической мысли XX в. К этому следует только непременно добавить нравственную составляющую формирования школы, во многом определившую ее облик. Я имею в виду моральные стандарты, которые Александр Иванович настойчиво прививал своим ученикам и которые, мож-

¹⁴ *Grabski A.F.* Prace historyków tomskich z zakresu metodologii historii i historii historiografii // *Histortka*. 1972. Т. 3. S. 117.

¹⁵ *Ibid.* S. 127.

но предполагать, были генетически связаны с транслировавшейся Московским университетом традицией отечественной академической культуры. Во всяком случае именно в письмах А.И. Неусыхину второй половины 1940-х гг. он с предельной откровенностью выражал свои нравственные убеждения.

Вновь подчеркну значение войны в формировании его личности. Обращает на себя внимание обостренный интерес молодого советского офицера к нравственным последствиям войны. Он с тревогой писал своему учителю о значительном снижении моральных стандартов как в армии, так и за ее пределами, относя его к числу «тягчайших последствий войны» и предрекая, что «с ликвидацией этого последствия придется много и долго повозиться»¹⁶.

Можно полагать, что особое беспокойство А.И. Данилова вызывало падение моральных стандартов в науке. Он с возмущением писал учителю о «взорвавшейся» его «до крайности» статье, утверждавшей, что Гегель как философ стоит ниже Герцена, Белинского и «еще там кого-то». Примечательно, что в этой статье А.И. Данилов усматривал не единственный факт, а определенное социальное явление, отражающее политизацию науки, ее подчинение злобе дня. Обобщая, он саркастически писал о людях, подобных автору статьи: «Вчера они боялись, что их объявят великодержавными шовинистами, сегодня они Белинского ставят выше Гегеля, что будет завтра – посмотрим, во всяком случае «завтра» такого рода типам принадлежать не может»¹⁷.

Увы, «завтра» наступили для науки еще более тяжелые времена. Кажется, это понимал и сам А.И. Данилов. В разгар борьбы с «космополитизмом» он писал А.И. Неусыхину: «Неопределенность и неясность в положении исторической науки в прошлом году были удручающи. Даже в Томске чувствовались отзвуки этого»¹⁸. Замечу безупречность поведения в годы этой постыдной кампании самого Александра Ивановича и его томских друзей. В особенности он много сделал для создания нормальных условий жизни и работы в Томском университете крупного советского историка И.М. Разгона, заклеянного в партийной печати за свой «космополитизм».

Исповедывавшиеся А.И. Даниловым нравственные максимы легли в основание томской историографической школы. Возникшая в рамках марксистской парадигмы истории, она благодаря заданному ее основателем творческому импульсу, широте его историографического видения

¹⁶ Данилов А.И. Письма А.И. Неусыхину. Публикация Л.Т. Мильской // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1986. Вып. 18. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 135.

¹⁸ Там же. С. 144.

и, не в последнюю очередь, ее этической составляющей, сумела, не потеряв своего лица, выйти за их пределы.

Как известно, не всякий большой ученый создает свою школу. Для этого необходим ученый особого склада, имеющий выраженные способности и вкус к педагогической работе. Как правило, это университетский преподаватель, обладающий неким магнетизмом, властно влекущим к нему талантливую молодежь уже со студенческой скамьи как к яркой, самобытной личности. Таким был А.И. Данилов. Посмотрим под этим углом зрения на его взаимоотношения со своими учениками, в полной мере отразившими личность учителя, его педагогический дар. В двух словах он может быть определен как неразрывное единство требовательности и доверия. Прежде всего – поразительной требовательности к самому себе, которую Александр Иванович переносил на своих учеников. «Пробующих специализироваться по средним векам извожу так, что потом самому бывает неловко перед ними, – писал он А.И. Неусыхину, признаваясь в другом письме: «Слушатели стонут и втайне, наверное, жалеют, что пошли ко мне специализироваться»¹⁹.

С начала 1950-х гг., по мере того как отчетливо определился круг научных интересов А.И. Данилова, он едва ли не впервые в стране начинает в ТГУ специализацию студентов по историографии, приобретающую системный характер в следующее десятилетие, когда и возникла его школа. Ее ядро составили воспитанники Александра Ивановича, выпускники Томского и Казанского университетов, которым он скрупулезно прививал навыки самостоятельной исследовательской работы в области историографии всеобщей истории.

В их числе предметом особой заботы учителя являлось воспитание у своих учеников определенных моральных стандартов. Избегая громких слов о нравственной составляющей историографического исследования, он требовательно и настойчиво учил нас пониманию его значения. Учил, начиная с того, что сейчас представляется самоочевидным, но отнюдь не казалось таковым тогдашней студенческой и аспирантской молодежи, пребывавшей в своем подавляющем большинстве в блаженной уверенности во всеилии марксистской науки и ее методологии. Это неизбежно порождало заведомо легковесное отношение к немарксистской историографии, имплицитно включавшее убеждение о своем изначальном превосходстве над ее корифеями, не владевшими непогрешимой истиной марксизма.

¹⁹ Данилов А.И. Письма А.И. Неусыхину. Публикация Л.Т. Мильской // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1986. Вып. 18. С. 143–144, 145.

Эти представления А.И. Данилов последовательно выбивал из голов своих учеников. Вспоминается, как он предостерегал нас от огульной критики немарксистской историографии, требуя объективного анализа творчества ее выдающихся представителей, способного осветить с марксистской точки зрения, но без крикливых обличений как идейно-теоретических основ их исторических концепций, так и полученных ими конкретных научных результатов. «Историографические университеты» начинались для нас с настоящего требования учителя уважительного обращения к немарксистским историкам. Его неукоснительное соблюдение являлось для нас *conditio sine non* нашей работы с соответствующими текстами. Не будет поэтому преувеличением сказать, что трудный процесс овладения навыками историографического исследования шел для учеников Александра Ивановича рука об руку с обретением определенных моральных стандартов такого исследования. Тем самым выработывалось противостояние против губительной для нашей науки конъюнктуры – зла, порождающего ее в любой системе социально-политических координат.

Полученная прививка сыграла свою роль в формулировании нравственных устоев томских историографов, являющихся столь же важной предпосылкой жизнедеятельности всякой научной школы, как и исповедуемые ею исследовательские принципы. Их значение особенно возрастает в критические периоды развития общества, к которым так чувствительна историческая наука. Таковыми в истории нашей страны, а с ней вместе и в трансформации общественных наук, стали конец 1980-х – 1990-е гг. Это были годы слома советской общественно-политической системы и освящавшей ее марксистской идеологии, годы идейных шараханий и демонстративного «сжигания мостов». В это смутное время томская историографическая школа без особых потрясений вошла в разном изменившуюся социокультурную действительность. Но это было не внешним приспособлением, а следствием органической трансформации ее исследовательских принципов.

Такая трансформация произошла не вдруг. Ее истоки явственно прослеживаются в методологических поисках 1970 – 1980-х гг., не просто расширявших исследовательское поле школы, но и подчас вносящих значительные коррективы в инструментарий для его возделывания благодаря прежде всего обращению к достижениям западной историко-теоретической мысли. Примечательный штрих. Если непосредственные ученики А.И. Данилова стремились включить эти поиски в марксистскую парадигму истории, то его «научные внуки», в особенности В.М. Мучник и И.Ю. Николаева, уже прямо выходили за ее рамки как не достаточные для объяснения таких существенных исторических яв-

лений, как, например, восточные цивилизации или генезис западноевропейского феодализма.

Так начиналось вхождение школы в мировое историографическое пространство, затронувшее, естественно, ее теоретико-методологические основания. Место монистического принципа исторического познания занял методологический плюрализм. В методологическом арсенале школы – многочисленные наработки западной гуманитарной мысли. Но он же включает и марксистскую составляющую, что уберегло ее от шумно деклариовавшегося «прощания с Марксом». Это была именно трансформация школы, а не разрыв со своим прошлым.

Разумеется, А.И. Данилов не мог предугадать такую трансформацию, но не будет натяжкой полагать, что метод его работы с учениками закладывал традицию лабильности школы, ее восприимчивости к новому, хотя бы оно в чем-то противоречило принятым в ней установкам, даже позиции самого научного руководителя. Его высокая требовательность к ученикам сочеталась с доверием к их исследовательской активности. Вопреки распространенному мнению, Александру Ивановичу, несмотря на его сильный, волевой характер, не был присущ авторитарный стиль научного руководства. Обладая непререкаемым авторитетом в глазах преданно любивших его учеников, он никогда не «давил» на них, не только не подавлял их научной самостоятельности, но, напротив, поощрял ее. Нередко в творческих дискуссиях с учителем они отстаивали свои позиции, порой существенно отличавшиеся от его первоначальных установок, выдвигали собственные идеи, получавшие, в конечном счете, его поддержку. Надо ли распространяться о том, что такое общение с учителем способствовало формированию творческой индивидуальности его учеников?

Главное же, перед глазами учеников был исследовательский опыт их учителя. Становление томской историографической школы закономерно падает на годы интенсивного научного творчества А.И. Данилова, носившего выраженный инновационный характер. В 1958 г. он защищает докторскую диссертацию, где были сформулированы и поныне сохраняющие свою актуальность общие принципы историографического исследования, являвшиеся новым словом в тогдашней советской науке. Они обосновывали необходимость комплексного подхода к изучению истории исторической науки в целостном единстве исторических концепций, их идейно-теоретических основ, конкретных исследовательских методов и историографической практики. «Мы, – писал автор, – принципиально не можем считать приемлемым ни сведение историографии к истории «чистого исторического знания», ни ограничение истории исторической науки выяснением смены мировоззрений или исто-

рии политических идей различных классов, – так как при этом молчаливо предполагается, что исторические знания по самому существу своему лишены объективного научного содержания, что они ограничиваются в каждый данный момент лишь теми представлениями об историческом прошлом, которые соответствуют определенным идейно-политическим запросам современности»²⁰.

Акцентируя недопустимость сведения истории исторической науки к истории смены мировоззрений или классовой борьбы, А.И. Данилов поднимал острый для политизированной советской историографии вопрос. В немногочисленных работах по историографии всеобщей истории, опубликованных в то время, историографический процесс рассматривался как простое отражение классовой борьбы, в которой так называемая буржуазная историография выполнила четко определенную социальную функцию, исчерпывающую ее научное значение. На этом фоне книга А.И. Данилова являлась прорывом, открывавшим возможность системного изучения исторической науки как закономерной смены научных направлений и школ, в рамках которых совершается поступательное накопление знаний о прошлом.

Его дальнейшим развитием стало обоснование положения о необходимости конструктивного диалога с западными исследователями в области методологии истории. Сделал это Александр Иванович в своем письме в редакцию журнала «Вопросы истории», явившемся событием в научной жизни 1960-х гг. Письмо сыграло важную роль в становлении в стране марксистской методологии истории как самостоятельной исторической дисциплины, имеющей собственный предмет исследования, не поглощаемый историческим материализмом. Но этим его значение не исчерпывалось. В письме значительное место отводилось кризису западной историографии. При этом автор характеризовал присущие ей теоретико-методологические поиски как выражение кризиса. Более того, он указывал, что эти поиски связаны с «постановкой ряда весьма существенных вопросов, относящихся как к истолкованию важных сторон общественного развития, так и к принципам исторического познания»²¹. И хотя такая оценка сопровождалась привычными в ту пору декларациями о важности «критики теоретических основ современной буржуазной историографии», письмо открывало перспективу ее изучения в советской науке в режиме диалога различных исследовательских стратегий. В этом отношении оно надолго опередило свое время.

²⁰ Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958. С. 6–7.

²¹ Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем истории науки // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 216.

К сожалению, не все в деятельности самого А.И. Данилова, в особенности в его «министерский» период, укладывалось в эту перспективу. Показательным тому примером является его опубликованная в 1969 г. в журнале «Коммунист» статья «К вопросу о методологии исторической науки». Позднее она стала предметом яростной критики А.Я. Гуревича, оценившего ее как «политический донос», и явилась одним из главных аргументов в его общем суровом вердикте о несостоятельности Данилова как ученого, воинствующем ортодоксе и идеологическом душителе науки²².

Эта статья действительно уязвима для критики. Едва ли можно согласиться с ее основной посылкой о неизбежности марксистской формационной теории как исходной в критике ряда историков, стремившихся расширить методологический инструментарий советской историографии за счет включения в него методов структурного анализа. Достаточно жесткая, эта критика основывалась на убеждении в недопустимости малейшего отступления от марксистских канонов, объективно препятствуя развитию историко-теоретической мысли, за что ратовал сам А.И. Данилов в письме в редакцию «Вопросов истории». Свою негативную роль сыграла и публикация статьи в главном теоретическом органе КПСС, что способствовало ее восприятию как «директивной». Очевидно, сознавая это, Александр Иванович вскоре под иным названием и в несколько измененном виде, но с сохранением общей идейной направленности перепечатал ее в разделе «Историографические обзоры» в томском кафедральном сборнике²³.

Не будем, однако, спешить присоединяться к уничижающей оценке личности А.И. Данилова. Прислушаемся к мнению близко знавшей его Е.В. Гутновой. В своих воспоминаниях в связи с публикацией этой статьи она очерчивает сложный образ большого ученого, считавшего себя обязанным стоять на страже тех идей, какие он воспринял в юности, к чему обязывало и его положение. «При всем том, – продолжает автор, – Александр Иванович не умел идти на компромиссы со своей научной совестью, четко, скажем, отграничивая нашу советскую науку от буржуазной, он вместе с тем отдавал должное последней... Как бы то ни было, А.И. Данилов был одним из честнейших и благороднейших людей, которых я встретила на своем жизненном пути»²⁴.

²² Гуревич А.Я. Путь прямой, как Невский проспект, или Исповедь историка // Преподавание истории в школе. 1995. № 5. С. 25–26. См. также: Гуревич А. История историка. М., 2004.

²³ См.: Данилов А.И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 6.

²⁴ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 350–351.

О возобладании в настоящее время взвешенной оценки действительного места А.И. Данилова в отечественной науке свидетельствует также позиция известного историографа Г.Д. Алексеевой в ходе обсуждения ее доклада «Изучение методологических проблем истории в XX в.», прочитанного на заседании ученого совета Института российской истории РАН. Отвечая на вопрос о значении методологического семинара А.И. Данилова в Томском университете, докладчица назвала Томск в числе первых центров изучения методологических проблем исторической науки, продукция которого «заслуживает серьезного анализа». Примечателен ответ Г.Д. Алексеевой на вопрос о статье в «Коммунисте»: «Да, в журнале «Коммунист» была статья по поводу позиции некоторых историков. Я считаю, что это был не лучший вариант решения методологических проблем, он не способствовал их разработке. Хотя я к Данилову хорошо отношусь и как к историку, и как к человеку»²⁵. Так обозначается русло свободного от прокурорской стилистики непредвзятого подхода к освещению личности Александра Ивановича и его места в отечественной науке.

Обращаясь под этим углом зрения к статье в журнале «Коммунист» и осуждая ее идеологизированную направленность, признаем, однако, что в предпринятой в ней критике структурализма имелось несомненное рациональное зерно. Исходя из положения о своеобразии исторического познания, ее автор выразил оправданное сомнение по поводу преувеличенных надежд на его формализацию с целью обогащения и углубления за счет замены словесной формы выражения суждений и аргументации языком знаков. Согласимся с его предостережением, что абсолютизация в историческом исследовании различных знаковых систем, в том числе математических формул, графиков и т.п., ведет к изгнанию из истории события. Ибо какие бы трансформации ни претерпевала наша наука, остается незыблемой максима «history est story». Другое дело, что сама природа этого рассказа (повествования) трактуется неоднозначно в различных теоретико-методологических координатах. Но неизменным остается при этом признание центрального места события в историческом дискурсе. Защита его А.И. Даниловым приобретала тем большее значение, что в тогдашней западной, в особенности французской, историографии набирала силу тенденция, чью суть рельефно выразил видный представитель «новой исторической науки» П. Нора. «Вся историография, – утверждал

²⁵ Алексеева Г.Д. Изучение методологических проблем истории в XX в. // Труды Института российской истории. М., 2005. Вып. 5. С. 242–243.

он, – обрела современный облик именно путем избавления от события, отрицания его значимости, путем его «растворения»²⁶.

В этой историографической ситуации принципиальное значение имела статья А.И. Данилова «Историческое событие и историческая наука». Эта его последняя прижизненная публикация являлась своеобразным продолжением статьи, о которой речь шла выше, но была свободна от ее идеологизированного пафоса. Ее интенция состояла в защите не теории общественно-экономических формаций, а самой исторической науки от крайностей сциентизации, что заставляет вспомнить нашедшую в свое время статью Л. Стоуна о возрождении нарратива²⁷. При всем различии лежавших в их основе исходных идейно-методологических позиций обе статьи были схожи в обосновании повествовательной природы исторической науки как выражения его своеобразия.

Раскрывая значение категории «историческое событие», А.И. Данилов писал: «События – это человеческая деятельность во всех ее сферах, начиная с производства материальных благ и кончая наиболее абстрактными сферами интеллектуального творчества. В истории подлинная деятельность – всегда событие». Следовательно, сам исторический мир – это мир событий, воплощающий изменения, движение, развитие, иными словами, саму историю как действительность. «Все исторические связи и отношения, – продолжал автор, – есть выражение и порождение деятельности людей. Все производственные, социальные, в том числе классовые, политические, идеологические, научные и иные связи и отношения перестают существовать, если они не получают в той или иной форме своего выражения в деятельности, поступках людей, то есть в событиях»²⁸.

Разумеется, А.И. Данилов не призывал к возвращению к традиционной событийной истории позитивистского толка. Но он артикулировал действительно острую тогда проблему, предлагая ее решение с марксистских позиций и подчеркивая важную роль событийной истории «в познании исторической действительности как сферы активной целенаправленной деятельности людей»²⁹. Тем самым он выходил на проблему, являющуюся центральной в современной гуманитарии, – «Человек в истории». Подчеркну: не абстрактные производительные силы и производственные отношения, а деятельность людей, порождающая все исторические связи и отношения, творит, по его убеждению, историю. За

²⁶ Цит. по: *Афанасьев Ю.Н.* Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 20.

²⁷ См.: *Stone L.* The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // *The Past and the Present*. 1979. V. 85, № 1.

²⁸ *Данилов А.И.* Историческое событие и историческая наука // *Средние века*. М., 1980. Вып. 43. С. 17.

²⁹ Там же. С. 31.

прошедшие со времени опубликования статьи четверть века в обсуждении указанной проблемы открылись новые аспекты, связанные с «антропологическим поворотом», акцентировавшим значение человеческой личности как сложной психологической и интеллектуальной структуры³⁰. Едва ли Александр Иванович предвидел этот поворот в изучении истории в его конкретных выражениях. Но признаем, что его исследовательские предпочтения трансформировались в общем русле движения мировой гуманитарной мысли последних десятилетий.

Признаем главное. Научная, научно-организационная и педагогическая деятельность А.И. Данилова заложила прочный фундамент созданной им школы. Его напряженная духовная жизнь, высокая историографическая и методологическая культура, сопряженная с неустанным научным поиском и потрясающей эрудицией, пронизывающее всю его деятельность убеждение в неразрывной связи истории и жизни, стиль общения с учениками, организация их работы, положенные в ее основу принципы, не в последнюю очередь этические, составили в своей совокупности предпосылку жизнеспособности школы, ее восприимчивости к новому в науке и жизни.

За прошедшие после смерти А.И. Данилова годы претерпели значительную модификацию теоретико-методологические принципы, исповедуемые томской историографической школой, существенно расширилась ее, используя известное выражение, «территория». Выросли новые поколения исследователей, прокладывающих собственный путь в науке. Наряду с традиционной для нее западноевропейской и российской проблематикой все увереннее пробивают себе дорогу востоковедческие исследования (В.М. Мучник, О.В. Хазанов). Модифицировалось преподавание на факультете курса методологии истории. Он получил свое органическое дополнение в проведении практических занятий, подкрепленном изданием соответствующего объемистого учебного пособия для студентов (А.В. Бочаров). Ширится поле «радиации» школы, ее влияния на другие, в особенности сибирские, учебно-научные центры.

В трансформации школы четко просматриваются черты, заложенные в ее основание А.И. Даниловым. Это, повторюсь, высокая академическая культура с присущими ей стандартами теоретико-методологических и историографических поисков, следуя которым она сумела избежать модных шарашаний. Тем самым вырабатывается взвешенная позиция, позволившая томской школе обрести свою нишу в современном историографическом процессе.

³⁰ См.: *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 21–29.

В ходе этой трансформации сохранились и получили новое развитие с блеском апробированные Александром Ивановичем методы работы с учениками, являющиеся главной формой подготовки научно-педагогических кадров. Так организуют работу своих спецсеминаров И.Ю. Николаева и В.М. Мучник, превращая их при соответствующем уровне подготовки участвующих в них студентов в своеобразные методологические семинары, в которых активно занимаются также аспиранты и преподаватели разных томских вузов, образуя объединившееся вокруг научного руководителя сообщество единомышленников. Круг и, главное, уровень обсуждаемых на таких семинарах вопросов далеко выходят за рамки учебной программы, превращая их в школу самостоятельного научного творчества.

Сошлось на опыт имеющего уже свою историю семинара И.Ю. Николаевой, участники которого учились эффективно применять на разном образном российском и западноевропейском материале разработанную Ириной Юрьевной технологию исторического исследования, сфокусированную на бессознательном в истории. Впечатляющим результатом работы семинара являются успешные выступления его участников на ряде конференций, в том числе всероссийских, а также подготовка ими нескольких кандидатских диссертаций, одна из которых уже защищена. Особо отмечу актуализацию семинарских занятий. Какие бы далекие от современности проблемы на них ни обсуждались, нити от них неизменно протягивались к проблемам сегодняшнего дня.

Обращаясь к творчеству самой И.Ю. Николаевой, подчеркну, что оно наиболее рельефно выразило диалектику трансформации томской историографической школы. В известном смысле оно являлось возвращением к ее истокам, но обогащенным талантом исследовательницы, преломившей в своих поисках реалии изменившегося времени и опыт отечественной и зарубежной гуманитарии. Многолетние исследования Ирины Юрьевны, являясь реализацией провозглашенного А.И. Даниловым постулата об органической связи историографического, методологического и конкретно-исторического исследования, вместе с тем знаменовали прорыв в развитии школы. В ее монографии³¹ и блестяще защищенной в апреле 2006 г. докторской диссертации было осуществлено переосмысление проблемы междисциплинарного (методологического) синтеза как ключевой в современной науке, позволяющей выстроить взыскуемую поколениями исследователей новую парадигму истории. Была разработана исследовательская стратегия достижения такого синтеза, в основу которой положен принцип взаимодополняемости ком-

³¹ См.: *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

плектующих ее теорий и методов. Ее общим фокусом является обширная сфера бессознательного как матрица социально-психологических установок сознания и поведения людей, формирующаяся в контексте жизненного опыта различных социальных групп.

Эта стратегия получила разностороннее теоретико-методологическое обоснование и убедительную верификацию в предпринятом автором исследовании широкого круга исторических явлений и проблем от харизмы Мервингов до специфики модернизационных процессов в России. Не думаю, что предлагаемая Ириной Юрьевной методология является последним словом в науке, так как процесс познания бесконечен, но, безусловно, сегодня, как это единодушно подчеркивали в своих отзывах на диссертацию такие авторитетные специалисты, как Л.П. Репина, Н.Л. Пушкарева и В.В. Согрин, она представляется одной из самых перспективных, открывающей новое направление в современном историографическом процессе.

Проблематика бессознательного в истории весьма далека от области научных интересов основателя томской историографической школы. Однако, очерчивая общие контуры ее развития, мы вправе говорить о преемственности как формообразующей черте школы. Исходной является заданная А.И. Даниловым высокая планка неустанного стремления к научной истине, ведущего к поступательному расширению сферы методологических – и историографических поисков и закономерно включающего в себя «самокритику» школы, систематический пересмотр ее теоретико-методологических оснований. При этом в модифицированном виде сохраняются такие фундаментальные характеристики школы, как акцентирование социальности исторического познания, его актуализация, эпистемологический оптимизм, сочетание макро- и микроанализа историографических и исторических явлений, убеждение в ведущей роли истории в междисциплинарных исследованиях.

И, наконец, последнее. Прошедшая в мае 2006 г. посвященная А.И. Данилову Всероссийская конференция продемонстрировала дальнейшее развитие научных связей томской историографической школы, в особенности уходящее к ее истокам плодотворное взаимодействие с научными центрами Москвы, а с этим вместе и растущий авторитет школы, ее авангардную роль в современных научных поисках. В этом, думается, и состоит важнейший итог деятельности Александра Ивановича – ученого и педагога.